

ВВЕДЕНИЕ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ развитие Россіи въ продолженіе послѣднихъ вѣковъ заключается главнымъ образомъ въ превращеніи ея изъ азіатскаго государства въ европейское. Замѣчательнѣйшею эпохою въ процессѣ европеизаціи Россіи было царствованіе Петра Великаго.

Изученіе начала русской исторіи, наравнѣ съ изслѣдованіемъ происхожденія другихъ государствъ, представляетъ цѣлый рядъ этнографическихъ вопросовъ. Не легко опредѣлить точно происхожденіе и характеръ разнородныхъ элементовъ, встрѣчающихся на порогѣ русской исторіи. Зачатки государственной жизни, сперва въ Ладогѣ, затѣмъ въ Новгородѣ, немного позже въ Кіевѣ, относятся къ появленію и взаимодействию различныхъ племенъ славянъ и варяговъ, финскихъ и тюрко-татарскихъ народовъ. Многія явленія этого самаго ранняго времени, несмотря на всѣ усилія ученыхъ, остаются неразгаданными; сюда должно отнести и вопросъ о варягахъ. Мы не беремъ рѣшить: славянамъ или неславянамъ должно приписывать ту силу и смѣлость, ту воинственность и предприимчивость, которыя обнаруживаются въ первое время исторіи Россіи въ большихъ походахъ къ берегамъ Волги и Каспійскаго моря и на Византію.

Какъ бы то ни было, но съ перваго мгновенія появленія славянъ на исторической сценѣ въ Россіи замѣтно болѣе или менѣе важное вліяніе на нихъ иностранныхъ, иноплеменныхъ элементовъ. Съ одной стороны, славяне смѣшиваются съ представителями Востока, съ находившимися въ близкомъ сосѣдствѣ степными варва-

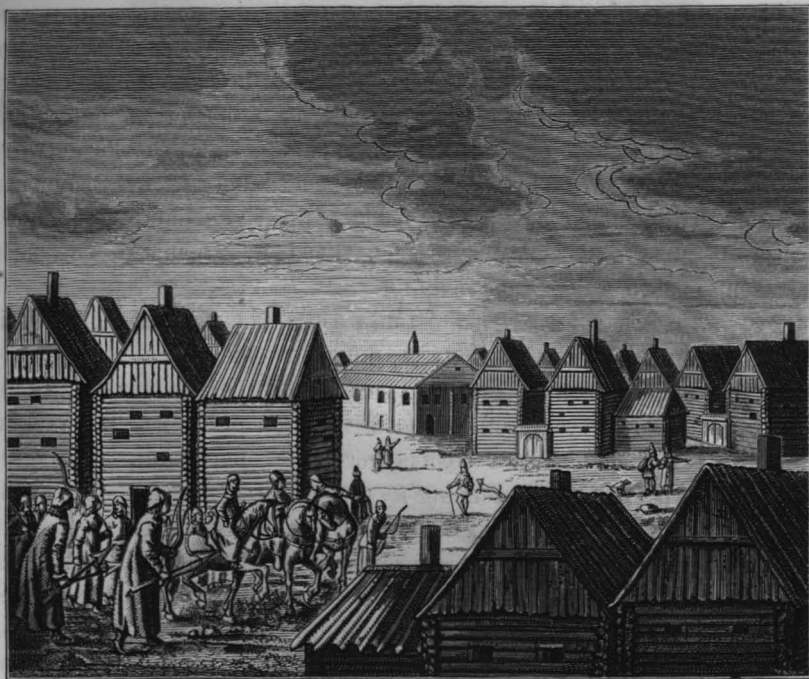
Царица Евдокія Θεодоровна.

Съ портрета, принадлежащаго графу И. П. Воронцову-Дашкову. (*Образецъ гравюрь*).

рами, съ другой—они находятся подъ вліяніемъ западно-европейской культуры.

Особенно же сильнымъ было византійское вліяніе на развитие Россіи. Византія стояла въ культурномъ отношеніи гораздо выше другихъ сосѣдей Россіи. Отъ Византіи Россія заимствовала религію и церковь. Однако не во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе Византіи было полезнымъ и плодотворнымъ. Византійскому вліянію должно приписать преобладаніе въ міросозерцаніи русскаго народа, впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій, чрезмѣрно консервативныхъ воз-

зрѣній въ области вѣры, нравственности, умственнаго развитія. И о свѣтлыхъ и о мрачныхъ чертахъ византійскаго вліянія свидѣтельствуесть «Домострой». Приходилось впоследствии освобождаться отъ домостроевскихъ понятій, воззрѣній и пріемовъ общежитія. Византійскаго же происхожденія были и монашество въ Россіи, и аскетизмъ, находящійся въ самой тѣсной связи съ развитіемъ раскола.

Московская улица въ XVII столѣтіи.

Съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи“ Олеарія. (Образецъ гравюры).

Одновременно съ этимъ вліяніемъ Византіи на Россію, замѣтно стараніе римской церкви покорить Россію латинству. Попытки, сдѣланныя въ этомъ отношеніи при Даніилѣ Романовичѣ Галицкомъ, Александрѣ Невскомъ, Лжедмитріѣ, остались безуспѣшными; всѣ усилія, направленные къ соединенію церквей, оказались тщетными. Съ одной стороны, въ этомъ заключалась выгода, съ другой—въ такомъ уклоненіи отъ сближенія съ западною Европою представлялась опасность нѣкотораго застоя, китаизма. Отвергая преимущества западно-европейской цивилизаціи, изъ-за непріязни къ латинству, и пребывая неуклонно въ заимствованныхъ у средневѣковой Визан-

тии пріемахъ общежитія, Россія легко могла лишиться участія въ результатахъ общечеловѣческаго развитія.

Къ этому злу присоединилось татарское иго. Россія сдѣлалась вассальнымъ государствомъ татарскаго Востока. Вліяніе татаръ оказалось сильнымъ, продолжительнымъ. Оно обнаруживалось въ области администраціи и государственнаго хозяйства, въ ратномъ дѣлѣ и въ судоустройствѣ, въ отношеніи къ разнымъ пріемамъ общежитія и домашняго быта. О мѣрѣ этого вліянія можно спорить, но самый фактъ и существенный вредъ его не подлежатъ сомнѣнію. Зато въ духовномъ отношеніи сохранилась полная независимость отъ татаръ, между тѣмъ какъ въ нравахъ и обычаяхъ обыденной жизни, въ усиленной склонности къ хищничеству, въ казачествѣ, въ ослабленіи чувства права, долга и обязанности, въ нравственной порчѣ чиновнаго люда, въ порабощеніи и униженіи женщины—нельзя не видѣть доказательствъ сильнаго и, главнымъ образомъ, неблагоприятнаго татарскаго вліянія.

Результатомъ совмѣстнаго вліянія Византіи и татаръ на Россію было отчужденіе ея отъ Запада въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, а между тѣмъ важнѣйшее условіе болѣе успѣшнаго историческаго развитія Россіи заключалось въ поворотѣ къ Западу, въ сближеніи съ Европою, въ солидарности съ народами, находящимися на болѣе высокой степени культуры и пользовавшимися болѣе благоприятными условіями для своего дальнѣйшаго развитія.

Первымъ и главнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли было соединеніе Россіи въ одно цѣлое. Освобожденіе отъ татарскаго ига обуславливалось образованіемъ сильнаго политическаго центра — Московскаго государства. Представители послѣдняго приступили почти одновременно къ рѣшенію задачи возстановленія политической самостоятельности Россіи и къ принятію мѣръ для доставленія ей возможности участвовать въ общечеловѣческомъ прогрессѣ. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи, успѣхи «сбирателей русской земли» замѣчательны. Обозрѣвая цѣлый рядъ сѣверо-восточныхъ государей, начиная съ Андрея Боголюбскаго и до Ивана III, нельзя не замѣтить во всѣхъ необычайной стойкости воли, трезвости политическаго взгляда, сознанія нуждъ государства. Въ ихъ подвигахъ, въ стремленіи къ политическому единству, къ независимости, къ развитію монархическаго начала, имъ помогала народъ, собравшійся въ плотную силу вокругъ Москвы.

Послѣдовательность и цѣлесообразность дѣйствій московскихъ государей обнаруживались наиболѣе въ борьбѣ съ татарами на Волгѣ. Во что бы то ни стало нужно было взять Казань. Неда-

ромъ окончательный успѣхъ 1552 года произвелъ столь глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Наравнѣ съ Мамаевымъ побоищемъ, взятіе Казани сдѣлалось любимымъ предметомъ народной поэзіи. Личность Ивана IV, не выказавшаго, впрочемъ, при этомъ случаѣ особеннаго мужества, благодаря этому событію и несмотря на слѣдующую затѣмъ эпоху террора, долго пользовалась нѣкоторою популярностью. Лѣтописцы говорятъ о его подвигѣ съ жаромъ стихотворцевъ, призывая современниковъ и потомство къ великому зрѣлищу Казани, обновляемой во имя Христа. Борьба между исламомъ и христіанскою вѣрою была въ полномъ разгарѣ. «Исчезла прелесть Магометова», говорилъ Иванъ народу, — «на ея мѣстѣ водруженъ святыи крестъ». Послѣ многихъ вѣковъ униженія и страданія, возвратилось, наконецъ, счастливое время первыхъ князей-завоевателей. Недаромъ митрополитъ сравнивалъ Ивана съ Константиномъ Великимъ, съ Владиміромъ Святымъ, съ Александромъ Невскимъ, съ Димитріемъ Донскимъ; недаромъ жители степей и кибитокъ защищали Казань съ такимъ ожесточеніемъ; здѣсь средняя Азія подъ знаменемъ Магомета билась за послѣдній оплотъ противъ Европы, шедшей подъ христіанскимъ знаменемъ государя московскаго. До тѣхъ поръ, пока существовала Казань, дальнѣйшее движеніе славянской колонизаціи на востокъ не имѣло простора; со времени взятія Казани, европеизація Азіи могла считаться обезпеченною. Болѣе рѣзко, чѣмъ когда либо до этого, пробудилось чувство антагонизма между Россією и исламомъ.

Тѣмъ важнѣе было именно въ то время, когда Россія, благодаря побѣдѣ, одержанной надъ Азією, сдѣлалась болѣе доступною влиянію западной цивилизаціи, другое событіе, случившееся годъ спустя послѣ взятія Казани, — открытіе англичанами морскаго пути въ Бѣлое море. Пробираясь дальше и дальше по берегамъ Сѣвернаго океана, англійскіе мореплаватели, Уиллоуби и Ченселоръ, надѣялись доѣхать до Китая и Индіи. Первый погибъ жертвою этой популярной экспедиціи; второй очутился около устья Сѣверной Двины.

Этотъ фактъ составляетъ эпоху въ исторіи торговыхъ сношеній между Востокомъ и Западомъ. Для Россіи такое географическое открытіе было самымъ важнымъ условіемъ сближенія съ Европою. Однако при этомъ случаѣ оказалось, что народы Запада гораздо болѣе стремились къ востоку, нежели русскіе къ западу. Русскимъ за нѣсколько десятилѣтій до Ченселорова путешествія была извѣстна дорога моремъ вокругъ сѣверной оконечности Скандинавіи. Этимъ путемъ ѣхали въ западную Европу русскіе дипломаты — Григорій Истома, въ 1496 г., а немного позже Василій Власевъ и Дмит-

рій Герасимовъ. Несмотря на это, не ранѣе какъ послѣ прибытія англичанъ съ запада къ устью Двины, означенный путь сдѣлался весьма важнымъ для торговли. Англійскіе моряки, купцы, промышленники, пріѣзжавшіе въ большомъ числѣ въ Россію и отправлявшіеся черезъ Россію дальше въ направленіи къ Китаю, Индіи, Персіи и проч., сдѣлались полезными наставниками русскихъ. Впродолженіе полутора столѣтій, мѣсто около Двины, гдѣ англичане устроили свою главную контору, имѣло для сближенія Россіи

Графъ Федоръ Матвеевичъ Апраксинъ.

Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей. (*Образецъ гравюры*).

съ Западомъ то самое значеніе, какое впоследствии получили Петербургъ.

Открытіемъ сѣвернаго пути въ Россію было главнымъ образомъ обезпечено дальнѣйшее сближеніе съ западною цивилизаціею. Пока, однако, сообщеніе съ Европою было сопряжено съ большими затрудненіями, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній другъ къ другу Польши и Московскаго государства.

Польша весьма долгое время на Западѣ считалась оплотомъ противъ враждебнаго Европѣ Востока. Къ послѣднему обыкновенно относили и Московское государство, о которомъ существовали такія же понятія, какія были распространены о Персіи или Абиссиніи, Китаѣ или Японіи. Польша, въ области цивилизаціи вообще

и ратнаго искусства въ особенности, стояла выше Россіи; къ тому же Польша, черезъ свои сношенія съ Римомъ и іезуитскимъ орденомъ на востокѣ, въ отношеніи къ Россіи занимала такое же мѣсто, какое на крайнемъ западѣ Европы занимала Испанія въ

Московская торговая лавка въ XVII столѣтіи.

Съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи“, Оlearія. (Образецъ гравюръ).

отношеніи къ Англіи. Одновременно съ сближеніемъ между Англіею и Россіею, Польша, располагая довольно значительными средствами по всему протяженію западной границы Московскаго государства, заслоняла Европу отъ Россіи.

Мало того, Россіи, только что вышедшей побѣдительницею изъ борьбы съ Азіею, грозила опасность лишиться вновь недавно пріобрѣтенной самостоятельности и превратиться въ польскую провинцію. Эту цѣль имѣли въ виду и фанатическіе представители католицизма въ Польшѣ, и нѣкоторые изъ польскихъ королей и вель-

можъ. Перевѣсъ Польши надъ Москвою обнаружился во время войны Стефана Баторія съ Иваномъ Грознымъ, а еще болѣе въ Смутное время. Впрочемъ, ожиданіе, что первый Лжедмитрій сдѣлается орудіемъ польскихъ интересовъ, оказалось лишеннымъ основанія. Тушинскій воръ былъ доступнѣе польскому вліянію; когда затѣмъ, послѣ сверженія съ престола царя Василя, полякамъ удалось принудить бояръ къ избранію въ московскіе цари королевича Владислава, можно было опасаться совершеннаго уничтоженія независимости Московскаго государства.

Тѣмъ не менѣе, Россія не сдѣлалась польскою провинціею. Спасеніе ея заключалось въ пробужденіи національнаго чувства и сознанія собственнаго достоинства, въ ненависти къ латинству, въ ожесточеніи противъ враговъ, безжалостно опустошавшихъ даже центральныя области Московскаго государства, въ преобладаніи здоровыхъ элементовъ въ народѣ, одержавшихъ верхъ надъ противно-общественными и противно-государственными элементами на югѣ и на юго-востокѣ Россіи.

Изгнаніе поляковъ изъ столицы, протестъ противъ всякихъ притязаній Польши на русскій престоль, избраніе царя Михаила Ѳеодоровича, возстановленіе порядка послѣ долгаго времени неурядицы и безначалія — все это было геройскимъ подвигомъ народа, было не только спасеніемъ, но обновленіемъ государства, обезпеченіемъ его будущности.

Многаго, однако, еще недоставало для установленія мирныхъ и благопріятныхъ отношеній между Польшею и Россіею. Не ранѣе, какъ въ 1667 году, заключеніемъ мира въ Андрусовѣ, кончилась ожесточенная борьба, въ которой большіе города — Смоленскъ, Кіевъ, наконецъ Малороссія, являлись яблокомъ раздора. Впродолженіе этого времени вполнѣ измѣнилось отношеніе силъ и средствъ обѣихъ державъ. Все болѣе и болѣе обнаруживался упадокъ Польши. Присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству могло нѣкоторымъ образомъ считаться началомъ раздѣловъ Польши.

Во время этой ожесточенной и упорной борьбы, Россія оставалась отрѣзанною отъ западной Европы; по крайней мѣрѣ сообщеніе съ Западомъ прямымъ путемъ встрѣчало препятствія. Путь изъ Москвы въ западную Европу шелъ чрезъ Архангельскъ и вокругъ Норвегіи. Нельзя удивляться тому, что русскіе дипломаты, путешествовавшіе, на примѣръ, въ Италію, по нѣсколькимъ мѣсяцевъ находились въ дорогѣ, подвергаясь страшнымъ опасностямъ.

Благодаря перевѣсу Швеціи, Россія оставалась долго отрѣзаною отъ береговъ Балтійскаго моря. Странія Ивана IV, около по-

ловины XVI вѣка, и царя Алексѣя Михайловича, столѣтіемъ позже, завладѣть Прибалтійскимъ краемъ не имѣли успѣха. Недаромъ Густавъ Адольфъ, по случаю заключенія Столбовскаго договора, въ 1617 году, съ радостью говорилъ: «великое благодѣяніе оказалъ Богъ Швеціи тѣмъ, что русскіе, съ которыми мы изстари жили въ неопредѣленномъ состояніи и въ опасномъ положеніи, теперь навѣки должны покинуть разбойничье гнѣздо, изъ котораго прежде такъ часто насъ беспокоили. Русскіе — опасные сосѣди; границы ихъ земли простираются до Сѣвернаго, Каспійскаго и Чернаго морей; у нихъ могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многочисленные города; они могутъ выставять въ поле большое войско; а теперь этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ ни одного судна спустить на Балтійское море. Большія озера — Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него; у Россіи отнято море и, Богъ дастъ, теперь русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ».

Изъ всего этого видно, какое значеніе имѣли для Россіи возстановившіяся, наконецъ, мирныя сношенія съ Польшею. Обезпеченная со стороны Польши, Россія могла думать о рѣшительныхъ мѣрахъ противъ набѣговъ татаръ, о наступательномъ движеніи къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Польша и Россія рѣшились вмѣстѣ дѣйствовать противъ татаръ и турокъ; Польша и Россія соединились немного позже и для борьбы противъ Швеціи. Такимъ образомъ, послѣ того, какъ въ началѣ XVII вѣка положеніе Россіи было крайне опаснымъ, чуть не отчаяннымъ, во второй половинѣ того же столѣтія для нея открывались въ разныхъ направленіяхъ новые пути торговли, возбуждались богатая надежды, рождалась новая политическая дѣятельность.

И не только въ политическомъ отношеніи миръ съ Польшею принесъ богатые результаты. Польша болѣе чѣмъ прежде могла сдѣлаться школою для Россіи. Отсюда можно было заимствовать вкусъ къ занятіямъ науками; изъ Польши и изъ Малороссіи, гдѣ академія служила разсадникомъ молодыхъ ученыхъ, русскіе вельможи выписывали для воспитанія своихъ дѣтей домашнихъ учителей и наставниковъ. Польскіе нравы, знаніе польскаго языка, знакомство съ латинскимъ языкомъ стали входить въ обычай въ нѣкоторыхъ кругахъ высшаго общества въ Московскомъ государствѣ; малороссійскіе богословы, учившіеся въ западной Европѣ, начали пріѣзжать въ Россію, гдѣ успѣшно соперничали съ греческими монахами и учеными, пріѣзжавшими изъ турецкихъ владѣній. Въ обла-

сти драматическаго искусства, музыки, литературы, дѣлалось замѣтнымъ польское вліяніе. Первые приверженцы западно-европейской цивилизаціи — Ордынъ-Нащокинъ, Ртищевъ, А. С. Матвѣевъ, кн. В. В. Голицынъ — весьма многимъ были обязаны польскому вліянію. И первые государи царствующаго дома Романовыхъ находились подъ вліяніемъ польской культуры. Отецъ Михаила Ѳеодоровича, Филаретъ, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Польшѣ; Алексѣй Михайловичъ принималъ личное участіе въ войнахъ съ Польшею въ то

Видъ Амстердама въ началѣ XVIII столѣтія.

Съ современной голландской гравюры. (*Образецъ гравюры*).

время, когда русскія войска пребывали въ непріятельской странѣ; при дворѣ Ѳеодора Алексѣевича нѣкоторое время господствовали польскіе нравы и польскія моды. Петръ родился въ то время, когда уже завязалась борьба между стариною и новизною, между восточнымъ китаизмомъ и западно-европейскимъ космополитизмомъ, между ограниченностію исключительно національныхъ началъ и обще-гуманными воззрѣніями.

Одновременно съ развитіемъ готовности Россіи вступить въ сношенія съ Западомъ, усиливалось и вниманіе, обращаемое на Московское государство со стороны западной Европы.

До XVI вѣка на Западѣ почти ничего не знали о Россіи. Затѣмъ трудъ Герберштейна нѣкоторое время оставался главнымъ,

Амстердамскій бургомистръ Витзень.

Съ гравированнаго портрета Шенка, 1701 г. (*Образецъ гравюры*).

чуть-ли не единственнымъ источникомъ познаній, относящихся къ Московскому государству. Устные рассказы Герберштейна о его пребываніи на Востокѣ казались многимъ современникамъ, напри- мѣръ, брату Карла V, Фердинанду, Ульриху Гуттену и друг., въ высшей степени достойными вниманія и занимательными. Открытіе англичанами морского пути въ Россію черезъ Сѣверный океанъ имѣло слѣдствіемъ появленіе дѣлой литературы о Россіи, такъ что знаменитый поэтъ Мильтонъ, написавшій въ XVII столѣтіи краткую исторію Россіи, могъ при составленіи своего труда указать на дѣ-

лый рядъ англійскихъ сочиненій объ этомъ предметѣ. Во второй половинѣ XVI вѣка появились на Западѣ опасенія относительно быстрого развитія силъ и средствъ Россіи. Когда туда начали отправляться въ большомъ числѣ ремесленники и художники, инженеры и артиллеристы, рудознатцы и офицеры, не разъ былъ возбужденъ вопросъ о необходимости запрещенія такой эмиграціи. Между прочимъ, герцогъ Альба, знаменитый полководецъ эпохи короля Филиппа II, въ посланіи къ сейму во Франкфуртъ, отъ 10 іюля 1571 года, выставлялъ на видъ необходимость запрещенія вывоза изъ Германіи въ Россію военныхъ снарядовъ, въ особенности огнестрѣльнаго оружія¹⁾. Король польскій Сигизмундъ писалъ къ королевѣ англійской Елисаветѣ въ 1567 году: «дозволить плаваніе въ Московію воспрещаютъ намъ важнѣйшія причины, не только наши частныя, но и всего христіанскаго міра и религіи, ибо непріятель отъ сообщенія просвѣщается и, что еще важнѣе, снабжается оружіемъ, до тѣхъ поръ въ этой варварской странѣ невиданнымъ; всего же важнѣе, какъ мы полагаемъ, онъ снабжается самыми художниками, такъ что, если впредь и ничего не будутъ привозить ему, такъ художники, которые при такомъ развитіи морскихъ сообщеній легко ему подсылаются, въ самой той варварской странѣ надѣлаютъ ему всего, что нужно для войны и что доселѣ ему было неизвѣстно». «Сверхъ того», сказано въ другомъ письмѣ, отъ 1568 года, «всего болѣе заслуживаетъ вниманія, что московиты снабжаются свѣдѣніями о всѣхъ нашихъ даже сокровеннѣйшихъ намѣреніяхъ, чтобы потомъ воспользоваться ими, чего не дай Богъ, на гибель нашимъ...» и пр.²⁾ Столь же враждебно относились къ Россіи и въ такомъ-же духѣ старались дѣйствовать ганзейскіе города: Любекъ, Ревель, Дерптъ и пр. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторой части западной Европы господствовало убѣжденіе, что усиленіе Московскаго государства должно считаться несчастіемъ, и что потому слѣдуетъ всѣми силами препятствовать участію русскихъ въ результатахъ общей цивилизаціи.

Въ особенности католическія страны были проникнуты убѣжденіемъ о необходимости держать Россію въ черномъ тѣлѣ. Къ счастью для Россіи, голландцы и англичане находили, однако же, для себя болѣе выгоднымъ не раздѣлять мнѣній герцога Альбы и короля Сигизмунда, а, напротивъ, поддерживать оживленные сношенія съ Россіею.

¹⁾ Havemann. Innere Geschichte Spaniens, 287.

²⁾ Гамель. Англичане въ Россіи, стр. 83 и 84.

Достойно вниманія противорѣчіе въ отзывахъ о Россіи около этого времени. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ англійскій дипломатъ Флетчеръ, въ своемъ сочиненіи «Of the russe commonwealth», явившемся въ Лондонѣ въ 1591 году, осуждаетъ варварство Россіи, сравнивая Московское государство съ Турціею, порицая деспотизмъ царя, продажность приказныхъ и подъячихъ, обскурантизмъ духовенства, рабскій духъ въ обществѣ. Совсѣмъ иначе писалъ Маржеретъ къ французскому королю Генриху IV, посвящая послѣдному свое сочиненіе «Estat de l'empire de Russie» (Paris, 1607): «Напрасно думаютъ, что міръ христіанскій ограничивается Венгеріею; я могу увѣрить, что Россія служитъ твердымъ оплотомъ для христіанства» и проч.

Немудрено, впрочемъ, что Россія въ XVII вѣкѣ производила на западно-европейцевъ впечатлѣніе чисто-восточнаго государства. Адамъ Олеарій въ своемъ знаменитомъ сочиненіи говоритъ о Россіи и Персіи въ одномъ и томъ же тонѣ, какъ о странахъ, и въ пріемахъ общежитія, и въ государственныхъ учрежденіяхъ не имѣющихъ ничего общаго съ государствами западной Европы. Русскіе дипломаты, явившіеся на Западѣ, удивляли всѣхъ своимъ азіатскимъ костюмомъ, незнаемъ европейскихъ языковъ, и къ тому же довольно часто отличались грубостью нравовъ, разными неблагоприятными поступками.

Съ другой стороны, оригинальность и своеобразность всего, что относилось къ Россіи, не могли не возбуждать любопытства. Въ то время общими явленіями были стремленіе къ географическимъ открытіямъ, страсть къ изученію этнографіи, языкознанія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Россія представляла собою богатую почву для собиранія всевозможныхъ свѣдѣній. Тутъ встрѣчалось и неисчерпаемое множество нарѣчій, громадная масса любопытныхъ предметовъ для изученія флоры и фауны, богатый матеріалъ для метеорологическихъ наблюденій и для археологическихъ изысканій. Между тѣмъ какъ нѣкоторые государственные люди относились къ Россіи враждебно, отрицали пользу сношеній съ этою странюю, ученые разсуждали совершенно иначе. Особенно англичане сдумѣли соединить теоретическое изученіе Россіи въ отношеніи къ естественнымъ наукамъ съ практическими цѣлями торговой политики. Таковъ характеръ трудовъ Традесканта въ началѣ XVII вѣка. Голландецъ Исаакъ Масса, въ это же время находившійся въ Россіи, извѣстный амстердамскій бургомистръ, Николай Витзенъ, побывавшій въ ней во второй половинѣ XVII вѣка, чрезвычайно ревностно собирали свѣдѣнія не только объ Европейской Россіи,

но и о Сибири. Маржеретъ напечаталъ свой трудъ о Россіи по желанію короля Генриха IV. Англійскій король Яковъ II съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ рассказы Патрика Гордона о Россіи, заставляя его сообщать ему разныя свѣдѣнія о военномъ устройствѣ, о главныхъ государственныхъ дѣятеляхъ въ Московскомъ государствѣ. Сочиненіе Фабри о состояніи русской церкви, явившееся уже въ первой половинѣ XVI вѣка, считалось авторитетнымъ въ этой области. Западно-европейскіе государи, под-

Домъ князя Меншикова въ Петербургѣ.

Съ современной гравюры 1716 года. (Образецъ гравюры).

данные которыхъ проживали въ Россіи, слѣдя за судьбою послѣднихъ, черезъ нихъ же узнавали многое объ условіяхъ жизни въ Россіи и черезъ дипломатическихъ агентовъ, имѣвшихъ значеніе консуловъ, старались обезпечивать права иностранцевъ въ Россіи. Не разъ возобновлялись попытки дѣйствовать въ пользу распространенія католицизма въ Россіи. Витзенъ былъ покровителемъ находившихся въ Москвѣ лицъ реформатскаго исповѣданія; герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургскій, протекторъ проживавшихъ въ Москвѣ лютеранъ, получалъ нерѣдко отчеты о состояніи нѣмецкаго прихода и денежными пособиями поддерживалъ нужды церкви и школы. Многіе шотландцы, англичане, голландцы и нѣмцы, про-

живавшіе въ Москвѣ, сообщали своимъ родственникамъ и знакомымъ въ западной Европѣ разныя свѣдѣнія о Россіи. Въ журналѣ «Theatrum Europaeum» въ продолженіе XVII вѣка довольно часто печатались донесенія изъ Россіи о происходившихъ тамъ событіяхъ. Скоро послѣ бунта Стеньки Разина, это событіе послужило предме-

Казнь колесованіемъ.

Съ рѣдчайшей гравюры начала XVIII столѣтія, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова.
(Образецъ гравюры).

томъ ученой диссертациі, публично защищаемой въ Виттенбергскомъ университетѣ. Въ 1696 году въ Оксфордѣ появилась грамматика русскаго языка, составленная Людольфомъ, секретаремъ принца Георга Датскаго.

Во второй половинѣ XVII вѣка Китай сдѣлался предметомъ спеціальнаго изученія въ западной Европѣ. Одновременно съ этимъ и Россія все болѣе и болѣе удостоивалась вниманія. Особенно же знаменитый философъ Лейбницъ съ сочувствіемъ относился къ Рос-

сіи. Разъ онъ замѣтилъ, что въ одно и то же время разные не европейскіе государи приступили къ важнымъ преобразованіямъ, а именно, китайскій императоръ, король Абиссиніи и царь московскій ¹⁾. Лейбницъ выразилъ желаніе содѣйствовать преобразованію Россіи. Онъ былъ убѣжденъ, что этимъ самымъ окажетъ услугу всему человѣчеству, и гордился своимъ космополитизмомъ.

Такимъ образомъ, развившейся мало-по-малу воспримчивости Россіи къ западной цивилизаціи соотвѣтствовало усиливавшееся на Западѣ вниманіе къ Россіи. Космополитическія стремленія Витзена, Лейбница и друг. относились къ тому самому времени, когда Россія готовилась сблизиться съ Европою занятіемъ береговъ Балтійскаго моря, принятіемъ участія въ войнахъ съ Турціею и чрезъ оживленіе дипломатическихъ сношеній съ западно-европейскими державами сдѣлаться членомъ общей политической системы. Для западно-европейскаго міра этотъ процессъ былъ эпохою, а для самой Россіи насталъ новый періодъ исторіи.

Къ этому же времени относится и молодость Петра Великаго.

¹⁾ Guerrier. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter d. Gr., 15.